

V.

Управлениe. Административныe отношенiя митрополита Филарета къ Академиi. Конференциi и правленiе. Инспектура.

Во главѣ администрації надъ Академіею въ течнія 46 лѣтъ стоялъ митрополитъ Филаретъ. Его вліяніе на теченіе академическихъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управлениія было такъ обширно и сильно, что по справедливости можно назвать оное какъ бы испосредственнымъ. Ни одно, особенно не со всѣмъ маловажное, дѣло не совершалось безъ его вѣдома, безъ его руководства и рѣшенія. Обыкновенно ректоръ предварительно въ частномъ письмѣ, или при личномъ свиданіи докладывалъ ему, что правленіе или конференція имѣютъ нужду сдѣлать ему представлениe такого-то содержанія, при чёмъ ректоръ пересказывалъ содержаніе дѣла и выслушивалъ отъ митрополита замѣчанія и совѣты и получалъ предварительно рѣшеніе на имѣющее быть представлениe. Если дѣло велось не такъ, митрополитъ выскаживалъ неудовольствіе. Такъ въ 1838 году конференція послала къ митрополиту представлениe объ исходатайствованіи цензора, профессору Ф. А. Голубинскому, въ пожизненную пенсію третьей доли жалованья по должности цензора. Митрополитъ далъ резолюцію: „это значитъ требовать новаго закона. Нужно подумать, чтобы рѣшился въ добрый часъ. Не спѣшить, доложить на мѣстѣ. Я всегда совѣтую о предметахъ, требующихъ совѣщанія, представлять

на мѣстѣ, и все долженъ жаловаться, что не такъ бываетъ“ *). Митрополитъ требовалъ однако, чтобы конфidenциальная переписка съ нимъ по дѣламъ академическимъ не была смѣшиваема съ форменными представлениями и не замѣняла ихъ: каждое письменное сношеніе съ нимъ должно было имѣть свой особый характеръ. Въ 1830 году онъ послалъ такое предложеніе академическому правленію: „сего мая 30 дня вечеромъ, при письмѣ о. ректора архимандриста Поликарпа отъ 28 дня, получены мною два разсужденія студентовъ Академіи высшаго отдѣленія, не оконченныя, и одно студента низшаго отдѣленія. Поелику время испытанія, къ которому оныя готовятся, приближается: то, не пропуская ближайшаго почтоваго дня, поспѣшаю сказать академическому правленію, что нужно и что умѣю. Сочиненія для испытанія, послѣ приватныхъ о нихъ напоминаній, официальне требование резолюцію мною отъ 8 дня сего мая за № 174. О. ректоръ отвѣчаетъ на сie письмомъ о разныхъ предметахъ. Прилично ли сie, отдаю ему на разсужденіе. Но правленiе имѣеть изъяснить ему то, что сie неудобно: ибо что пишетъ онъ о сихъ разсужденіяхъ, то можетъ быть понадобится представить на усмотрѣніе высшаго начальства въ подлинникѣ. Какъ же тутъ смѣшивать съ должностнымъ дѣломъ предметы частной переписки?“ **). Въ томъ же году митрополитъ писалъ: „удивляете вы меня о. ректоръ. Въ одномъ письмѣ два дѣла одного рода: по одному совѣтуетесь вы со мною, а по другому представляете мимо меня (въ комиссию дух. учил.). Или отрѣшите меня отъ Академіи со всѣмъ, или оставьте при ней со всѣмъ. Иначе нельзя знать, за что отвѣтствовать“ ***).

*) Журн. конф. 1838 г., декабря 9.

**) Дѣл. акад. правл. 1830. № 121.

***) Чтен. въ моск. общ. истор. и древн. 1876, кн. 3, стр. 92.

Съ какою строгою внимательностию и точностію входилъ митрополитъ въ порядокъ дѣль академическихъ, можно усмотрѣть изъ хода дѣла по приему Академіи вновь назначеннымъ на мѣсто Поликарпа ректоромъ Академіи Филаретомъ Гумилевскимъ. На выпискѣ изъ журнала комиссіи дух.училищъ обѣ опредѣлениіи новаго ректора митрополитъ 21 января 1836 года далъ резолюцію, которой требовалъ: 1) произвести освидѣтельствованіе академическихъ суммъ по приходорасходнымъ книгамъ и отчетамъ за 1835 годъ; 2) войти въ разсужденіе о растратѣ суммъ по казанскому округу при бывшемъ секретарѣ Доброхотовѣ и 3) отъ секретаря потребовать реестра нерѣшенныхъ дѣль и донесенія о состояніи архивовъ; 4) донести о состояніи библіотеки; 5) представить записку о собственности академической. Ученый ректоръ приведенъ былъ въ великое затрудненіе исполнить во всей точности требованія митрополита тѣмъ болѣе, что нѣкоторыхъ дѣль въ правленіи на лице не оказалось, и просилъ отъ него снисхожденія и вразумленія. Митрополитъ написалъ ему въ отвѣтѣ: „вы требуете, отецъ ректоръ, чтобы я умѣрялъ требованія правды духомъ любви. Хорошо. Согласенъ. Но къ чему сіе клонится? Сказать, что дѣла цѣлы и въ порядкѣ, когда они не полны и нѣть ихъ, не значить умѣрять правду, но солгать; не сказать ничего нельзѧ, ибо о томъ идетъ дѣло, что дѣла, которыхъ беспорядокъ обнаружился по нѣкоторымъ примѣрамъ, хотяъ привести въ ясный видъ, и потомъ въ порядокъ. Безпорядокъ нѣсколькихъ лѣтъ уже открылся начальству и уже сдѣлано то, чего онъ требовалъ, то есть, предшественникъ вашъ уволенъ: теперь сколько бы дѣль беспорядочныхъ ни открылось, другаго послѣдствія уже не будетъ для прикосновенныхъ къ беспорядку; теперь самое безопасное время показать все, какъ есть, и потомъ приводить въ порядокъ. А естьли вы скажете, что дѣла

цѣлы, когда они не полны и растеряны; но потомъ слу-
чится осмотръ, или справка, которая откроетъ, что они не
цѣлы: то вы и ваши сотрудники будете отвѣтать, подобно
вашему предшественнику, и, можетъ быть, строже, за без-
порядокъ вторичный и за беспорядокъ утаенный. И такъ
духъ любви говорить, сколько мнѣ слышится, что надобно
чистотою теперешняго дѣйствованія беречь васъ и вашихъ
сотрудниковъ, отъ чего не будетъ вреда и для вашихъ
предшественниковъ, а не надобно уже обличенные грѣхи
вашихъ предшественниковъ хитро покрывать, и тѣмъ васъ
подвергать опасности, когда хитрость обнаружится.

„Вы говорите, что нѣкоторыя растерянныя бумаги можно достать изъ семинарскихъ правленій. Сколько работы!
Сколько времени! Между тѣмъ вы уже будете виноваты,
что не даете отчета въ принятіи Академіи. Какъ вы по-
требуете бумаги, особенно представленія? Въ кошяхъ? Сіи
копіи будутъ вѣчнымъ доказательствомъ, что подлинныя
бумаги растеряны, и что вы обманули начальство, донеся
о цѣлости. Въ видѣ подлинниковъ, подписанныхъ старымъ
числомъ? Да сохранить васъ Богъ отъ того, чтобы пус-
каться на такіе подлоги.

„Что же дѣлать? — Составьте:

1) Реестръ дѣль не рѣшенныхъ, какъ требуется.

2) Реестръ дѣль не полныхъ. Естьли не трудно: хорошо
бы на семъ реестрѣ сдѣлать отмѣтки, по какимъ дѣламъ,
какія бумаги, какъ нужныя, должно истребовать въ ко-
шіахъ изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ пополненіе
только нужнѣйшихъ дѣль не принесло бы много работы,
а прочія остались бы не полными безъ опасности для васъ,
и безъ повода секретарямъ небреши о цѣлости прочихъ
дѣль, подъ предлогомъ старой неполноты.

3) Реестръ дѣль, которыхъ въ архивѣ не оказалось.

„За симъ остается одна обыкновенная и ни въ какомъ случаѣ неизбѣжная забота рѣшить не рѣшенныя дѣла.

„Упомянутые реестры должны быть приложены къ до-несенію о принятіи Академіи.

„Пріучайтесь къ понятію о точности въ дѣлахъ, которая произвольныхъ мудрованій не допускаетъ безъ опасности быть виновату. Хорошо, что я принялъ на себя потребовать отчета въ принятіи Академіи. Естьли бы его требовала комиссія духовныхъ училищъ, какъ и была мысль у нѣ-которыхъ: вы теперь были бы уже виноваты, что до сихъ поръ нѣть никакого донесенія, которому надлежало быть тотчасъ, по крайней мѣрѣ о вступленіи въ должность и о принятіи наличныхъ суммъ. Напоминаю вамъ, что не разъ, вѣроятно, и при васть напоминалъ предшественнику, — не презирать правила устава, которое велитъ рѣшенія по дѣ-ламъ важнѣйшимъ не приводить въ исполненіе безъ вѣ-дома архиеря. А какія дѣла важнѣйшія? Для гордаго и не внимательнаго нѣть ни одного; а скромно мыслящий узнаетъ ихъ.

„Смысль резолюціи комиссіи духовн. училищъ, чтобы привести въ ясность всѣ обстоятельства дѣла и обеспечить недостатокъ суммъ, долженъ быть слѣдующій:

1) Скорѣе опредѣлить по документамъ все количество взысканія.

2) Сдѣлать соображеніе, вѣрно ли взысканіе можетъ быть покрыто наслѣдствомъ Доброхотова.

3) Естьли нѣть, то разсмотрѣть: на кого далѣе пасты должно взысканіе, и представить одержаніи части жа-лованья, или о подобномъ обезспеченіи взысканія“ *).

Вскорѣ за тѣмъ митрополитъ писалъ ректору Филарету: „въ архивѣ переплѣтать надобно журналы. Этого не мно-

го. А дѣла не переплѣтать и тамъ, гдѣ архивы важнѣе вашего. Для денегъ по виѣшиему правленію нужна книга прихода и расхода. А почтовыя объявленія зачѣмъ въ нее писать? Не перемудрите. Въ приходѣ надобно записывать, что откуда получено, а въ расходѣ, что куда послано.

„Нехотѣніе ваше разбирать дѣла о суммахъ мнѣ непонятно, и потому ничего сказать о семъ не имѣю“ *).

На письмо ректора съ предположеніями его относитель-но взысканія утраченной умершимъ секретаремъ Доброхо-тovымъ суммы митрополитъ отвѣчалъ:

„Премудростю дѣль Божіихъ занимаетесь вы, отецъ ректоръ, а не умѣете разобрать премудрости дѣль приказ-ныхъ. Требовать запрещенія на имѣніе, котораго нѣть, значитъ приводить въ смѣхъ губернское начальство; тре-бовать запрещенія и ареста имѣнія, которое уже находится у васть подъ арестомъ, значитъ приводить еще въ больший смѣхъ, ибо это значитъ искать рукавицъ, которая у васть за поясомъ. Мнѣ кажется, это могли бы понять и сказать вамъ прочіе члены академического правленія, естьли бы вы ихъ спросили: могъ бы растолковать вамъ и о. намѣст-никъ, естьли бы вы его спросили. Для предосторожности можно было написать въ губернское правленіе о наложеніи запрещенія на имѣніе Доброхотова, буде таковое имѣется или окажется: но и это едва ли не напрасно, потому что, кажется, нечemu быть у него, кроме того, что въ вашихъ рукахъ. Не думайте, что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческій, и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣ-лать и то, что противно здравому смыслу; разбирайте, да-вайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь; и посту-пая осмотрительно, берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань: не не-

*) Письмо отъ 19 февр. 1836 г. въ Член. общ. люб. дух. просвѣщенія 1871 г., декабрь.

*) Письмо отъ 9 марта 1836 г. Тамъ же.

годую, а объясняю дѣло, и показываю, какъ ему быть надобно.

„По приему Академіи вы много вдругъ дали себѣ дѣла. Вамъ предписано принять отъ всѣхъ рапорты: вы бы ихъ и приняли, и по нимъ донесли, а какая оказалась бы нужна дальнѣйшая повѣрка, она пошла бы потомъ исподволь. Теперь вы и принимаете дѣла, какъ они есть, и въ то же время изслѣдываете прежнія опущенія: отъ того вдругъ много работы; а не дѣлается то, чemu скрѣе сдѣлану быть надлежитъ, какъ то: до сихъ поръ иѣть свѣдѣнія о состояніи академической собственности, кромѣ однихъ денегъ. Посмотрите 5 пунктъ моей резолюціи 21 января *): исполненіе по нему надлежало сдѣлать тотчасъ послѣ освидѣтельствованія суммъ, какъ тамъ и предписано. Естьли это до сихъ поръ не сдѣлано, и окажется не цѣлость: то, можетъ быть, не ясно будетъ, въ ваше или въ прежнєе управлениѣ она произошла. Напоминаю вамъ о исполненіи сего пункта.

„По 6 пункту той же резолюціи о библіотекѣ и по 7 о дѣлахъ и архивѣ исполните, какъ предписано, не пускаясь преждевременно вдали. Примите донесенія, повѣрьте ихъ общимъ осмотромъ; и донесите съ мнѣніемъ, что еще нужно дѣлать далѣе для подробной повѣрки сихъ донесеній, или для приведенія въ порядокъ предметовъ, о которыхъ говорить сіи донесенія.

„Миръ съ вами. Не скучайте затрудненіями. Запущенное приводить въ порядокъ обыкновенно затруднительно. Богъ пошлетъ помощь и облегченіе“ **).

*) 5-й пунктъ резолюціи: „отъ эконома Академіи немедленно потребовать обстоятельной записки о всякой собственности Академіи и о запасахъ разнаго рода, и точность сего донесенія повѣрить съ наличностью предметовъ“.

**) Письмо отъ 20 марта 1836 г. Тамъ же.

По требованію митрополита представленъ ему реестръ не рѣшенныхъ дѣлъ виѣшняго правленія въ числѣ 29, изъ которыхъ одно—о постройкѣ каменного корпуса для епифанскихъ духовныхъ училищъ оставалось безъ движенія съ 1826 года. Изъ этихъ дѣлъ числомъ 16 митрополитъ приказалъ почитать оконченными, а другимъ дать надлежащее движеніе. Дѣятельность по правленію въ это время такъ была усиlena, что къ половинѣ апрѣля 1836 года подлинныя бумаги, считавшіяся утраченными, отысканы, и остались утраченными только изъ дѣлъ 1815 года формуллярные списки двухъ инвалидовъ, служителей Академіи. Въ томъ же году, послѣ лѣтней ревизіи Академіи, митрополитъ въ донесеніи своемъ св. Синоду писалъ: „по долгу моему и по особенному порученію комиссіи духовныхъ училищъ, входилъ я въ настоящее состояніе управлениія московской духовной Академіи. Прежде всего потребовалъ я журналы сего года по внутреннему и виѣшнему управлениямъ. Они оказались въ должномъ порядкѣ. Между прочимъ ежемѣсячное свидѣтельствованіе академическихъ суммъ въ нихъ записано. Нѣкоторыя экономическія статьи внесены въ журналы слишкомъ кратко: я предложилъ, чтобы они были обстоятельны для большей осторожности. Чтобы представить комиссіи духовныхъ училищъ свѣдѣніе объ особенныхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по случаю назначенія новаго ректора Академіи, я поручилъ академическому правленію извлечь о семъ изъ его журналовъ двѣ записки, по двумъ округамъ управления. Изъ сихъ записокъ, при семъ прилагаемыхъ, комиссія духовныхъ училищъ благоволитъ усмотрѣть, что, по вступленіи въ должностъ нынѣшняго ректора, приняты мѣры къ новѣркѣ архива и приведенію въ порядокъ не досмотрѣнныхъ прежде частей онаго; дано движеніе дѣламъ, частію не малое время остававшимся безъ движенія; сдѣланы распоряженія къ бо-

лье безопасному движению переходящихъ чрезъ Академію суммъ*).

Административнымъ веденiemъ академическихъ дѣлъ завѣдавали конференція и правленіе. Конференція состояла изъ ректора и всѣхъ профессоровъ и завѣдавала производствомъ экзаменовъ, возведеніемъ въ ученыя степени. Кромѣ внутреннихъ членовъ конференціи были и виѣшніе, избиравшіеся изъ лучшихъ представителей московскаго духовенства, и кромѣ того почетные. Правленіе состояло изъ ректора, одного изъ профессоровъ и (по хозяйственной части) изъ эконома, и раздѣлялось на внутреннее, которое завѣдавало учебною, нравственною и экономическою частію собственно Академіи, и виѣшнее, которое управляло Семинаріями, составлявшими учебный округъ. Веденiemъ дѣлъ по конференціи и правленію завѣдавалъ секретарь, назначавшійся изъ наставниковъ Академіи, а для занятія дѣлами казанскаго учебнаго округа, когда онъ причисленъ былъ къ московской Академіи, избирался также изъ наставниковъ Академіи другой секретарь. При строгомъ контролѣ митрополита не малыхъ трудовъ стоило секретарямъ вести письменное канцелярское дѣло, и они вмѣстѣ съ ректоромъ не рѣдко подвергались его замѣчаніямъ, если онъ находилъ неаккуратность въ веденіи дѣла. Такъ напр. въ 1837 году, когда митрополиту было представлено отъ правленія дѣло о построеніи новаго баккалаврскаго корпуса, митрополитъ далъ резолюцію: „1) для сокращенія времени представление академическаго правленія, исчисленіе суммъ, планъ, смету и замѣчанія архитектора предложить отъ меня комиссіи духовныхъ училищъ; 2) оставленную часть дѣла возвратить въ академическое правленіе съ тѣмъ, чтобы впредь дѣла представляемы были въ пра-

*.) Дѣл. акад. правл. 1836 г. № 104.

вильномъ видѣ; ибо сіе дѣло и не связано, и копій съ резолюцій академическаго правленія при немъ нѣтъ. Отецъ ректоръ присутствовалъ въ духовномъ правленії*), и потому знаетъ, какъ составляются дѣла, и можетъ научить академическаго секретаря, естьли академической секретарѣ до сихъ поръ не знаетъ того, что знаетъ повытчикъ духовнаго правленія**). Секретаремъ былъ баккалавръ В. Г. Примѣровъ, получившій за годъ предъ тѣмъ благодарность отъ митрополита за приведеніе въ порядокъ архива***). Имѣя намѣреніе въ томъ же 1837 году перейти на службу въ свѣтское званіе, Примѣровъ послѣ мартовской резолюціи митрополита подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности секретаря, и былъ уволенъ. Въ томъ же 1837 году студентъ Сергій Яхонтовъ послѣ отпуска на рождественскіе праздники не возвратился въ Академію, а прислалъ рапортъ, что по болѣзни онъ не можетъ явиться въ Академію. На донесеніи о семъ инспектора митрополитъ написалъ: „о Яхонтовѣ буду ждать послѣдующаго отъ академическаго правленія“. На слѣдующемъ донесеніи инспектора онъ далъ резолюцію: „академическому правленію, если Яхонтовъ въ московской епархіи, представить справку, чей онъ сынъ“. На справкѣ онъ написалъ: „да гдѣ же дѣло, по которому представлена справка? Къ чему справка безъ дѣла? Совѣтую академическому правленію обратить вниманіе на то, какъ правильно обращаться съ дѣлами****). Мѣсто Примѣрова занято баккалавромъ Смѣловскимъ. Новый секретарь въ слѣдующемъ же году подвергся замѣчаніямъ отъ митрополита. На представлениі конференціи съ

*) Разумѣется, радонежскіе духовное правленіе, помѣщавшееся въ стѣнахъ лавры, въ которомъ ректоръ Филаретъ Гумилевскій, бывши инспекторомъ Академіи, былъ присутствующимъ.

**) Журнал. акад. правл. 1837, 26 марта.

***) Дѣл. акад. правл. 1836. № 75.

****) Журнал. правл. 2 апрѣля 1837 г.

мнѣніемъ объ одной книгѣ, одобренной духовнымъ цензурнымъ комитетомъ, митрополитъ написалъ: „какъ дѣло представлено безъ обвертки, безъ надписи, безъ нумерации листовъ, безъ хронологического порядка бумагъ въ составѣ его, то совѣтую конференціи принять мѣры противъ стыда и замѣчанія, которымъ надобно подвергнуться, естьли святейшій Синодъ найдеть нужнымъ истребовать оное въ подлинникѣ. Посему надобно разумѣть и о прочихъ дѣлахъ“*). При другомъ случаѣ, также по дѣламъ цензурного комитета, митрополитъ далъ резолюцію: „конференціи предлагаю впредь представлять съ мнѣніемъ, что нужно дѣлать, и въ случаѣ потребности сношенія, заготовлять проектъ, ибо у меня канцелярія менѣе академической, а дѣль больше“ **). Въ мартѣ 1838 года инспекторъ соборный іеромонахъ Евсевій въ своей запискѣ о благосостояніи Академіи донесъ митрополиту, что студентъ Стефанъ Адоратскій по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, уволенъ изъ Академіи въ епархиальное вѣдомство (въ казанскую епархію). Въ одно время съ запиской инспектора послано о томъ и представление правленія съ прошеніемъ объ увольненіи Адоратского. Митрополитъ на представлениі далъ резолюцію:

„какъ изъ записки инспектора, полученной въ одно время съ симъ представлениемъ, вчера въ субботу вечеромъ, видно, что Адоратскій уже уволенъ въ Казань по болѣзни, то мнѣ остается принять сіе представление къ свѣдѣнію и оставить на отвѣтственности академического правленія то, сообразно ли поступлено въ семъ случаѣ съ уставомъ и съ предписаніями комиссіи духовныхъ училищъ, о чёмъ въ представлениі семъ не упоминается: впредь же въ подобныхъ представленияхъ означать, какою статью устава,

*.) Журнал. конференц. 1838 г. 18 ноября.

**) Журн. конф. 1848, апрѣл. 19.

или какимъ предписаніемъ комиссіи духовныхъ училищъ уполномочено академическое правленіе отпускать по болѣзни студентовъ изъ Академіи, кроме времени установленного испытанія“ *). До какой степени митрополитъ требовалъ точности и строгаго блюденія формы и законнаго порядка, показываютъ слѣдующіе случаи: инспекторъ архимандритъ Евлампій въ мѣсячномъ донесеніи митрополиту за декабрь 1827 года написалъ между прочимъ, что бакалавръ греческаго языка Александръ Платоновъ отъ 3-го декабря на 10 дней уволенъ академическимъ правленіемъ въ домъ своего отца, находящійся не въ далекѣ отъ Академіи, какъ по причинѣ тяжкой болѣзни отца, такъ и по причинѣ собственнаго его нездоровья. На донесеніи митрополитъ написалъ: „бакалавра на 10 дней въ учебное время увольнять академическія постановленія ни ректору, ни правленію права не даются и примеръ сей можетъ быть вреденъ. Подтверждается ректору порядокъ въ Академіи наблюдать съ точностью и предѣловъ данной ему власти не преступать“ **). Инспекторъ, соборный іеромонахъ Евсевій, по представлению митрополита, въ октябрѣ 1838 года назначенъ св. Синодомъ къ производству въ архимандрита. Митрополитъ получивъ о томъ извѣстіе, предписалъ ректору послать инспектора въ Москву для посвященія. Правленіе отправило къ митрополиту представление съ донесеніемъ объ *увольненіи* инспектора въ Москву на 4 дня. На представлениі митрополитъ написалъ: „это не увольненіе, а отправленіе по должности“ ***). Въ томъ же году было послано къ митрополиту представление объ увольненіи бакалавра П. Славолюбова, вслѣдствіе его прошенія, въ Москву на 7 дней по крайней нуждѣ. Митрополитъ далъ

*) Журнал. правл. 1838 г. 18 марта.

**) Дѣл. правл. 1827. № 106.

***) Журн. правл. 1838, октяб. 27.

резолюцію: „Смотрѣно. На неопределенному выраженіи: крайняя нужда, нельзя основывать решения. Человѣкъ, слѣдя прихоти, или не законному побужденію, можетъ сказать: крайняя нужда“. Правленіе постановило: принять эту резолюцію въ руководство на будущее время *). Въ 1840 г. правленіе представило митрополиту донесеніе о пожарѣ, случившемся въ лаврѣ, и уведомляло его, что по случаю пожара Академія не понесла никакого ущерба. Казалось бы труднымъ найти въ этомъ формальномъ рапортѣ какой либо недостатокъ, но митрополитъ нашелъ его и указалъ, написавъ резолюцію: „записка инспектора благочестивѣ сего представленія: тамъ упомянуто о молебствіи“ **). Митрополитъ строго требовалъ, чтобы дѣла правленія ведены были благовременно и въ случаѣ опущенія времени дѣлать замѣчанія правленію. Въ октябрѣ 1850 года баккалавръ іеромонахъ Феодоръ (Бухаревъ) указомъ св. Синода произведенъ въ соборные іеромонахи, за каковое званіе назначаемъ былъ соборному іеромонаху небольшой годовой денежный окладъ преимущественно изъ московскаго донскаго монастыря. Канцелярія академического правленія забыла уведомить въ свое время монастырь о новомъ соборномъ іеромонахѣ, а безкорыстіе о. Феодора не давало канцеляріи побужденій вспомнить о томъ, что не исполнено. Уже въ половинѣ 1853 года, когда о. Феодоръ представленъ былъ въ архимандриты, узнали, что онъ не получалъ жалованья за соборное іеромонашество, и послали въ монастырь съ требованіемъ денегъ для о. Феодора. Управлявшій донскимъ монастыремъ, бывшій томскій епископъ Агапитъ отношениемъ уведомилъ митрополита, что „деньги не могутъ быть выданы на томъ основаніи, что въ дѣлахъ

*) Тамъ же, 22 апрѣля.

**) Журн. 1840 г., мая 10.

монастырскихъ не оказывается дѣла обѣ опредѣленіи по-мнунаго профессора въ число соборныхъ іеромонаховъ, и что посему сумма для него не была сберегаема“. Митрополитъ написалъ на этомъ отношеніи: „въ академическое правленіе. Это значитъ, что соборному іеромонаху Феодору и академическому правленію не надлежало просыпать до полудня, естьли хотѣли собрать утреннюю росу. Естьли жалованье пропадеть, это будетъ убѣдительное наставление дѣлать всякое дѣло въ законное время“ *). Въ 1852 г. правленіе вошло къ митрополиту представлениемъ съ прошеніемъ утвердить двухъ студентовъ въ должности письмоводителей канцеляріи съ назначеніемъ имъ жалованья по 200 рублей ассигнаціями изъ штатной письмоводительской суммы. Митрополитъ написалъ на представлениі: „изъ штатной суммы? А сколько ея? Не ужели мнѣ справляться со штатами вмѣсто академической канцеляріи? И счетъ на ассигнаціи не замѣненъ“ **).

Здѣсь мы остановимся на время и дадимъ отчетъ читателямъ, почему ходъ исторического изслѣдованія мы по видимому задерживаемъ непрестанными вставками дословно приводимыхъ резолюцій митрополита Филарета. Читатели, безъ сомнѣнія, раздѣлять наше убѣжденіе, что встрѣчаясь въ изслѣдованіи на каждомъ шагу съ такимъ исполиномъ мысли и слова, какимъ былъ Филаретъ, невольно дорожишь каждымъ его словомъ, каждою мыслю, полною глубокой мудрости. За что ни берется онъ, все дѣлаетъ съ энергией, съ необычайнымъ знаніемъ дѣла, какъ великий, геніальный мастеръ, котораго работа не скрупульно временемъ. Тонкій многосвѣдущій умъ Филарета не скользилъ по поверхности ученаго труда и дѣловой работы,

*) Журн. 1853 г., іюня 24.

**) Журн. 1852 г., сентябрь. 27.

но проникалъ мысль и форму каждого дѣла; быстро уловивъ въ немъ недостатки, несовершенства, Филаретъ выставлялъ ихъ на видъ, иногда не безъ скорби для себя, не безъ горечи для другихъ. Мы представили уже не мало, и представимъ еще впереди нѣсколько опытовъ крайней строгости его въ ученыхъ и административныхъ отношеніяхъ его къ Академіи, и считаемъ долгомъ разъяснить для нѣкоторыхъ исходный пунктъ такихъ его отношений и вмѣстѣ показать, что сквозь этотъ кажущійся ригоризмъ проглядывали свѣтлыя черты многообъемлющей любви.

Съ вполнѣ безукоризненною нравственною жизнью, высоты которой въ Филаретѣ никто оспорить не можетъ, никакъ не могли бы согласоваться его рѣзкія, крутые распоряженія, если бы за ними не видѣть доброй, нравственной цѣли. Строгость его къ другимъ легко объясняется крайнею строгостью къ себѣ. Онъ крѣпко стоялъ на почвѣ законности, никогда не позволялъ себѣ отступать отъ требованій церковныхъ и гражданскихъ постановленій, и строго требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Тѣ, которые думаютъ видѣть деспотизмъ во многихъ его распоряженіяхъ, пусть прежде всего обратятъ вниманіе на духъ того времени, къ которому относится самый длинный периодъ его іерархической дѣятельности, пусть потомъ безпристрастно оцѣнятъ побужденія, по которымъ онъ дѣйствовалъ, и въ которыхъ никакъ нельзя видѣть проявленія безотчетного самолюбія,—а скорѣе должно видѣть добрую цѣль воспитательную, стремленіе къ которой ясно видно въ отношеніяхъ Филарета ко всякому лицу, поступавшему на видную службу въ его вѣдомство, и есего болѣе такому, которое отличалось особыми дарованіями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчался онъ съ духомъ намѣреннаго противленія, съ рѣзкимъ проявленіемъ непокорной горделивости, прибѣгалъ онъ къ крутымъ мѣрамъ, испы-

тавъ предварительно неуспѣхъ мѣръ мягкихъ и легкихъ. Въ административныхъ отношеніяхъ его къ Академіи мы уже имѣли не одинъ случай видѣть, какъ самъ Филаретъ объяснялъ свои строгія требованія; повторимъ нѣкоторыя изъ такихъ его объясненій. Вновь вступившему въ должность ректора Филарету Гумилевскому писалъ онъ: „напоминаю вамъ, что не разъ, вѣроятно, и при васъ напоминаль предшественнику (т. е. ректору Поликарпу), не презирать правила устава, которое велитъ рѣшеніе по дѣламъ важнѣйшимъ не приводить въ исполненіе безъ вѣдома архіерея. А какая дѣла важнѣйшія? Для гордаго и не внимательнаго—нѣть ни одного; а скромно мыслящій узнаеть ихъ“. Въ другой разъ, преподавая наставленія тому же ректору, онъ такъ объясняетъ строгость своихъ требованій: „не примите моихъ словъ за брань: не негодую, а объясняю дѣло, и показываю, какъ ему быть надобно“. Въ такомъ же тонѣ, и иногда даже рѣзче, разъяснялъ онъ характеръ своихъ совѣтовъ и наставлений и лицамъ высшаго епархиальнаго управлениія, стоявшимъ относительно его въ независимомъ положеніи и пользовавшимся его дружественнымъ расположениемъ; такъ напримѣръ Гавріилу, епископу орловскому (въ послѣдствіи архіепископу тверскому) писалъ онъ: „не извольте воліять на меня, преосвященнѣйшій владыко! Слова мои не переломятъ вамъ костей: есть ли я говорю правду, примите и употребите; а есть ли не правду, простите меня и конецъ дѣлу... Имѣйте терпѣніе и поминайте слово, что достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага“ *).

Есть основаніе говорить, что степень строгости Филарета къ подчиненнымъ соразмѣрялась со степенью служебнаго ихъ положенія: кому дано было болѣе, кто стоялъ

*.) Письмо отъ 29 ноября 1827 г., въ Душеполезн. Чт. Май 1869.

на болѣе видномъ мѣстѣ, съ того и требовалъ онъ больше и взыскивалъ строже. Эта тактика его замѣтна и въ отношеніяхъ его къ Академіи. Ректору Филарету писалъ онъ однажды, предлагая наставленія: „берегите достоинство мѣста, которому принадлежите“. Требуя строгаго исполненія закона отъ всякаго изъ подчиненныхъ, онъ требовалъ отъ начальствующихъ неуклоннаго исполненія его въ дѣлахъ, по видимому, маловажныхъ; однажды ректоръ Филаретъ, не получивъ еще отъ митрополита дозвolenія отправиться въ Москву на Пасху, уѣхалъ изъ Академіи; митрополитъ написалъ ему: „вы побѣхали въ Москву не дождавшись разрѣшенія. Не было его потому, что только изъ письма о вашемъ отбытии узналъ я, что просите разрѣшенія. Со мною въ сѣмь суда нѣть: но для предосторожности впредь скажу, что увольнять самого себя есть поступокъ весьма неофиціальный, и, есъли дойдетъ до высшаго начальства, могущий имѣть непрѣятныя послѣдствія“ *).

Но среди такихъ строгихъ воззрѣй митрополита Филарета на ходъ ученой и дѣловой академической жизни, мы встрѣчаемся съ такими фактами, которые показываютъ, что митрополитъ любилъ и берегъ тружениковъ науки, охранялъ ихъ честь и достоинство, выдвигалъ ихъ на служебной карьерѣ, и въ случаяхъ нужды защищалъ и отстаивалъ ихъ, если только они оказывались того достойными. Это великая черта въ его характерѣ. Мы имѣемъ много примѣровъ того, что строгій судъ его растворялся любовью, что за гнѣвными вспышками слѣдовало кроткое и милостивое обращеніе его къ заслужившему гнѣвъ и забвеніе сдѣланыхъ имъ непрѣятностей. Въ ходѣ дѣла о сочиненіи Руднева мы уже имѣли случай замѣтить, какъ строго отнесся митрополитъ къ цензору, профессору Делицыну и какъ

потомъ покрылъ гнѣвъ свой снисхожденіемъ. Мы видѣли также, какъ строгій судъ митрополита, которому подверглись Голубинскій и Делицынъ за медленность въ представлении отчетовъ по ревизіи Семинарій, окончился полнымъ снисхожденія прощеніемъ. Но всего яснѣе открывается указанная высокая черта характера митрополита въ судьбѣ ученыхъ монаховъ, которымъ всегда онъ покровительствовалъ, которыхъ слабости и недостатки онъ прикрывалъ, пока они не выходили за предѣлы терпимости. Сколько лицъ, получившихъ образованіе въ Академіи, вступило подъ его сильнымъ водительствомъ на каѳедры святительскія и какъ быстро большая часть изъ нихъ возводимы были имъ на высокую степень служенія церкви! Находясь въ послѣдствіи времени на каѳедрахъ самостоятельныхъ, они въ трудныхъ случаяхъ прибѣгали къ святителю Московскому, какъ дѣти къ отцу, просили у него совета, ходатайства, заступленія и его вліяніе давало имъ исходить изъ затруднительнаго положенія. Есть примѣры и того, что митрополитъ вступался за достоинство всей академической корпораціи. Въ 22 книжкѣ Телескопа за 1834 годъ были напечатаны между прочимъ двѣ статьи, одна — о психическомъ происхожденіи слова и другая — о вліяніи фантазіи на образованіе науки. Редакція въ примѣчаніи высказала догадку, что эти статьи присланы изъ Московской духовной Академіи. Митрополитъ послалъ запросъ въ Академію, кто писалъ, или переводилъ, или посыпалъ указанная статьи. Всѣ наставники и всѣ студенты Академіи дали собственноручныя показанія, что никто изъ нихъ не писалъ, не переводилъ, и не посыпалъ въ редакцію Телескопа означенныхъ статей. Тогда митрополитъ обратился съ отношеніемъ къ попечителю московскаго Университета, князю С. М. Голицыну и писалъ ему, чтобы „благоволено было поставить редактора Телескопа въ осторожность, дабы онъ

* Письмо отъ 9 апрѣля 1838 г. въ Душеполезн. Чт. 1868. Май.

безъ точнаго удостовѣренія не приписывалъ журнальныхъ статей членамъ или воспитанникамъ духовной Академіи; ибо кромѣ того, что никому не должно приписывать дѣла, котораго онъ не дѣлалъ, можетъ случиться, что въ статьяхъ сихъ встрѣтятся мысли, которыхъ члены и воспитанники духовной Академіи не признаютъ согласными съ своимъ образомъ мыслей". Всльдѣствіе сего Голицынъ поручилъ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета призвать издателя Телескопа и сдѣлать ему замѣчаніе *).

Митрополитъ Филаретъ, дорожа достоинствомъ и честію Академіи, зорко слѣдилъ не только за правильностію въхода учебнаго дѣла, но и за исполненіемъ студентами правилъ порядка и гриличія, требуя отъ инспекціи внимательнаго за ними надзора.

Московская Академія по самому своему положенію въ скромномъ и тихомъ мѣстечкѣ, удаленномъ на 60 верстъ отъ Москвы, не могла имѣть особыхъ опасеній за нравственность своихъ питомцевъ; они не могли видѣть здѣсь приманокъ къ разсѣянной жизни, характеризующей населеніе большихъ городовъ, не могли желать знакомства съ мѣстнымъ населеніемъ, чуждымъ для нихъ по отсутствію образованности и цивилизаціи, и заключенные въ стѣнахъ монастырскихъ, лишенные возможныхъ искушений со стороны свѣта, неизбѣжно должны были проводить жизнь въ занятіяхъ научныхъ. Только лѣтнее время нѣсколько видоизмѣняло характеръ ихъ жизни однообразной: красивыя окрестности лавры извлекали ихъ изъ монастыря и призывали къ наслажденію чистымъ воздухомъ лѣсовъ и полей: въ свободное отъ ученія время можно было встрѣтить цѣлыми вереницы студентовъ, шедшихъ для прогулки по разнымъ направленіямъ.

*) Дѣл. правл. 1835 г. № 134.

Мѣстное положеніе Академіи, по отзывамъ Пальмера и Стенли, весьма сходное съ положеніемъ оксфордскаго Университета, имѣло дѣйствительно ту выгоду, что способствовало сосредоточенію вниманія студентовъ на предметахъ ученія, и кромѣ того развивало и укрѣпляло въ нихъ духъ благочестія, которымъ по истинѣ они преимуществовали предъ питомцами новаго времени. Но съ другой стороны эта невольная самозаключенность вътченіе четырехлѣтняго курса могла производить и дѣйствительно производила въ нѣкоторыхъ изъ нихъ недостатки, которые легко устраниются отъ соприкосновенія съ цивилизованнымъ обществомъ, отъ допущенія благородныхъ развлечений, отъ удовлетворенія требованіямъ эстетическаго вкуса. Главнымъ недостаткомъ при такой обстановкѣ является дикость, неразвязность, неловкость въ приемахъ; другимъ результатомъ всякой отсутствія развлечений было въ нѣкоторыхъ нарушеніе правилъ воздержанія. Было время, когда счастію оно прошло, когда неловкость, даже неопрятность вмѣнялись начальствующими Академіи въ заслугу студенту, именно всльдѣствіе убѣжденія, что студентъ показывалъ себя чрезъ это занятіемъ не виѣшимъ, а внутреннимъ своимъ человѣкомъ. Такой взглядъ могъ вести и несомнѣнно вѣль къ лицемѣрію. Относительно же послѣдняго недостатка, т. е. нарушенія правилъ воздержанія, мѣры начальства всегда были строги. Впрочемъ надобно признаться, что въ общемъ поведеніе студентовъ имѣло всегда благопріятные итоги, и нѣкоторые случаи, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ въ томъ или другомъ курсѣ, ни какъ не могутъ положить чернаго пятна на всю корпорацію студентовъ, которые всегда и вездѣ пользовались заслуженнымъуваженіемъ.

Главный надзоръ за поведеніемъ студентовъ возлагался на инспектора Академіи, который на основаніи устава

(§ 94) могъ имѣть, смотря по надобности, помощника изъ баккалавровъ, или изъ кандидатовъ, находящихся при Академіи, но эта надобность чувствовалась не долго. Въ первый годъ по открытии Академіи въ помощь инспектору архимандриту Филарету избранъ правленіемъ баккалавръ соборный іеромонахъ Никаноръ. Но Августинъ приказалъ опредѣлить другаго, потому что Никаноръ былъ назначенъ имъ на должность намѣстника лавры. Однако же, такъ какъ Никаноръ, сдѣлавшись намѣстникомъ, изъявилъ желаніе быть и помощникомъ инспектора Академіи, то ему поручена и эта должностъ *). Послѣ сего, помощника у инспектора не было до 1844 года, съ котораго въ субъинспекторы поступали наставники Академіи. Субъинспекторъ снабженъ былъ инструкцію **). Посредниками между начальствомъ и студентами были комнатные старшие, которые избираемы были изъ студентовъ старшаго курса и утверждаемы были въ своей должности правленіемъ. Комнатные старшие по очереди должны были ежедневно послѣ ужина доносить инспектору о томъ, какъ вели себя студенты въ теченіи дня. Каждому изъ нихъ отъ инспектора выдаваема была инструкція, которую онъ долженъ былъ руководствоваться при исполненіи своихъ обязанностей ***). Число комнатныхъ старшихъ было 16 по числу помѣщений студенческихъ. Въ прежнее время инспекторъ представлялъ въ правленіе вѣдомости о поведеніи студентовъ чрезъ каждые полгода, а въ послѣдствіи ежемѣсячно, а къ концу года составлялъ изъ нихъ общий списокъ по поведенію, обозначая оное не баллами, а представляя его въ видѣ разряднаго списка, какъ бы въ порядкѣ успѣховъ по поведенію. Кроме того ежемѣсячно инспекторъ доно-

*) Дѣла 1814 г. № 19.

**) См. приложенія, № 3.

***) См. приложенія, № 4.

силъ митрополиту о благосостояніи Академіи и о поведеніи студентовъ.

О быть студентовъ и объ инспекторскомъ надзорѣ за первое время существованія Академіи мы имѣемъ свидѣтельство одного изъ воспитанниковъ 2-го курса, Ф. Ф. Измайлова. Онъ пишетъ: „при свободѣ, какую намъ дозволяло начальство, не стѣсняя излишнею формальностю, и съ какой мы, въ неучебные дни и часы, могли отлучаться изъ комната и даже изъ Академіи, только не на ночь, занятія наши перемежались съ прогулками, шли какъ-то легко. Мы держали себя прилично, посадскихъ трактиръ не жаловали, не сообщались ни съ кѣмъ изъ постороннихъ. Приходи свои мы исполняли дома: пили чай, ходили другъ къ другу въ гости и заводили разныя игры“ *). Такъ было при инспекторѣ Гермогенѣ, который, по отзыву Измайлова, былъ человѣкъ весьма пряткій!

Въ другихъ чертахъ изображаетъ Измайлова преемника Гермогена, Платона Березина. Отъ его времени мы имѣемъ отзывы о поведеніи студентовъ за 1820 годъ, составленные слишкомъ однообразно: о всѣхъ почти студентахъ, въ томъ числѣ и объ Измайлова, одинаковый отзывъ: „оказалъ себя въ должности ревностнымъ, по характеру твердымъ, по поведенію честнымъ“. О другихъ: „оказалъ себя по поведенію благоразумнымъ и скромнымъ, или благоустроеннымъ; по характеру кроткимъ и искреннимъ, или твердымъ и открытымъ, или добросердечнымъ, или постояннымъ“. Противъ фамиліи пятерыхъ студентовъ въ концѣ списка отмѣчено: „оказали себя въ должности исправными, по характеру твердыми, по поведенію благонадежными“, но о каждомъ изъ нихъ въ особой графѣ

*) Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860 г., стр. 129.

написано: „быть замѣченъ въ нѣкоторыхъ слабостяхъ, впрочемъ показать признаки исправленія“ *).

Необыкновенною изобрѣтательностію въ рекомендаціяхъ студентовъ по поведенію отличался преемникъ Платона, инспекторъ, архимандритъ Евлампій (1826—1831) (въ послѣдствіи архіепископъ тобольский). Составляемыя имъ характеристики довольно разнообразны: въ его ежемѣсячныхъ запискахъ находимъ, что напр. въ январѣ отличились такими-то добрыми чертами характера такие-то студенты; въ маѣ такие-то и т. д. Преимущественно предъ другими отличались поведеніемъ конечно студенты-монахи, или такие, которые имѣли въ себѣ задатки монашества, и кромѣ того комнатные старшие. Такъ въ январѣ 1829 года выставлены „отличившимися со стороны добраго поведенія и добрыхъ расположений“ двое изъ высшаго и одинъ изъ низшаго отдѣлений: *иеродиаконъ Никонъ* „крутистю, благодушiemъ, глубокимъ вниманіемъ къ самому себѣ и искреннимъ усердіемъ къ обязанностямъ своего званія. Почему и сдѣланъ старшимъ въ комнатѣ монашествующихъ; *Никита Казанцевъ* — благочестивымъ направлениемъ духа, усердіемъ къ молитвѣ, строгимъ блюденіемъ надъ своими поступками и постояннымъ расположениемъ къ безмолвію (это *Никодимъ*, послѣ епископъ енисейскій); *Павелъ Покровскій* — искреннею благоприятельностію и откровенностию сердца“. За февраль и мартъ отличились комнатные старшие: Иванъ Платоновъ, Яковъ Баршевъ, Александръ Нечаевъ, Александръ Невоструевъ, Дмитрій Гумилевскій (послѣ *Филаретъ* черниговскій), Сергій Баршевъ, Иванъ Троицкій — „степенностю, любовью къ порядку и неуклонною исправностію во всѣхъ отношеніяхъ“; изъ студентовъ низшаго отдѣленія:

Александръ Горскій, Евѳимій Орлицкій (нынѣ архіепископъ могилевскій *Евсевій*) „благоустроеннostю поведенія и неонустительною исправностію въ занятіяхъ“. За октябрь 1829 года: Матвѣй Богородицкій и Иванъ Образцовъ (послѣ въ монашествѣ *Сергій*) „искренностю и благоприятельностію сердца и заботливостію о уклоненіи отъ всего могущаго подвергать развлечenіямъ“. За ноябрь: Дмитрій Гумилевскій (*Филаретъ* черниговскій) — „особенною кротостю и смиреніемъ, строгимъ вниманіемъ къ себѣ и къ поступкамъ своимъ и постоянною благочестивымъ настроеніемъ духа, по которому и расположилъ себя къ иноческой жизни“ *). Изъ отмѣтокъ инспектора Евлампія за февраль 1831 года: Александръ Горскій отличился — „при отличной исправности по должности (старшаго) любовью къ чорядку и постоянною настроеннostю духа къ добру“; Михаилъ Холмогоровъ, Николай Смирновъ, Петръ Богоявленскій — „степенностю, собранностью, молчаливостю“ **). Митрополитъ Филаретъ не вполнѣ однако довѣряль этимъ крайнимъ восхваленіямъ нравственныхъ качествъ студентовъ и на вѣдомости о поведеніи ихъ за 1830—31 учебный годъ написалъ: „желательно, чтобы списки выражали точно совершенство Академіи, а не ласкательство начальниковъ ученикамъ и чтобы на дѣлѣ не оказалось много не отличныхъ изъ такого множества отличныхъ на бумагѣ“ ***). На годовой вѣдомости о поведеніи студентовъ, оканчивавшихъ курсъ въ 1834 году, митрополитъ сдѣлалъ надписаніе: „да дастъ Богъ, чтобы дѣйствительно были все 52 отличны по поведенію, хотя впрочемъ опытъ въ самомъ лучшемъ обществѣ представляеть

*) Дѣл. акад. правл. 1829. № 94.

**) Дѣл. акад. правл. 1831. № 106.

***) Тамъ же, резолюція 7 июля 1831 года.

болѣе ординарно хорошаго, нежели отличнаго“ *). При другомъ случаѣ, желая дать помощь инспектору въ надзорѣ за студентами, митрополитъ писалъ: „членамъ конференціи, академическаго правленія и наставникамъ Академіи рекомендовать, чтобы содѣйствовали начальству въ узнатіи поведенія студентовъ къ соблюденію долга присяги, незазорности мѣста и чести духовныхъ училищъ“ **).

Во главѣ нравственныхъ обязанностей, возлагавшихся на студентовъ, стояли требованія религіозныя, за исполненіемъ которыхъ строго слѣдила инспекція. Самъ митрополитъ внушалъ академическому начальству, чтобы наблюденіе за этою частію воспитанія студентовъ было внимательное. Въ 1834 году на одной бумагѣ онъ далъ предписаніе: „внушать учащимся, чтобы они изображали на себѣ св. знаменіе креста внимательно и совершенно“. Правленіе постановило: объявить эту резолюцію студентамъ въ классахъ, а о. инспектору имѣть относительно сего за студентами особенное наблюденіе ***). Своей церкви при Академіи не было и лавра предоставляема Академіи для богослуженія литургійного на осенне и зимнее время трапезную церковь, а на лѣтнєе—Успенскій соборъ. Всенощная же бдѣнія осенью и зимою совершались въ академической залѣ собранія, а иногда въ келліяхъ ректора. За всенощною послѣ чтенія Евангелія, студенты, по заведенному издавна обычаю, попарно подходили прикладываться къ Евангелію, послѣ чего дѣлали поклонъ служащему іеромонаху (большею частію эконому), потомъ ректору и инспектору и наконецъ студентамъ. За четверть часа до благовѣста къ литургії, студенты собирались въ залу собранія, иногда въ столовую, и по прибытіи туда инспекто-

ра пѣли тропарь праздника и потомъ попарно шли въ церковь, сопровождаемые инспекторомъ. Есть свидѣтельство, что во времена ректорства Кирилла, когда студенты шли изъ залы въ церковь, самъ ректоръ стоялъ на пути и по четкамъ считалъ проходившія мимо его пары студентовъ и потомъ сопровождалъ ихъ вмѣстѣ съ инспекторомъ въ церковь. Другое свидѣтельство говорить, что по распоряженію ректора Кирилла каждый студентъ обязанъ быть вести свой особый журналъ, въ который долженъ быть вписывать не только свои дѣйствія, но и мысли. Конечно, это вело къ лицемѣрію, потому что журналы эти не были скрываемы отъ начальства. При Кирилль же, во время обѣда и ужина студентовъ учреждено чтеніе изъ Четырехъ Миней или изъ твореній отеческихъ; это учреждение относится къ 1823 году и продолжалось довольно долго, именно до временъ ректора Алексія *).

Но и при бдительномъ надзорѣ за поведеніемъ студентовъ, хотя и рѣдко, бывали однако отдѣльные случаи уклоненія студентовъ отъ порядка, за которые строго взыскивалось начальствомъ. По поводу безпорядка, допущеннаго однимъ студентомъ, уже окончившимъ курсъ (въ 1826 году) и предназначеннымъ къ степени кандидата **), комиссія дух. училищъ, послѣ донесенія о томъ митрополита, предписала академическому правленію: „коммісія находить нужнымъ подтвердить академическому правленію, и въ особенности ректору Академіи, чтобы за нравственными расположenіями воспитанниковъ употребляемо было бдительное смотрѣніе, и недостойные по поведенію, для сохраненія состава Академіи въ чистотѣ, не только не были представляемы къ высшимъ академическимъ сте-

*) Дѣл. правл. 1834 г. № 125.

**) Журнал. правл. 1831 г., сентябр. 15.

***) Журн. акад. правл. 1834 г. 20 марта.—Дѣл. правл. того же года, № 7.

*) См. приложенія, № 5.

**) См. письмо графа М. В. Толстаго въ Душепол. Чт. 1870, октябрь.

Ист. Моск. дух. акад.

иеніямъ, но если не окажутъ постояннаго раскаянія и совершиеннаго исправленія, отнюдь не были въ Академіи терпимы". *)

Въ 1828 году, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе избрать изъ московской Академіи троихъ студентовъ для образованія въ правовѣдѣніи, митрополитъ далъ знать академическому начальству, что при выборѣ студентовъ кромѣ ихъ дарованій нужно обратить особенное вниманіе на ихъ поведеніе. Къ своему викарю Иннокентію онъ писалъ по этому поводу: „при избраніи прошу особенно обратить вниманіе на мнѣнія инспектора (Евлампія), который, служа въ Академіи долѣе ректора (Поликарпа), можетъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о качествахъ студентовъ. На поведеніе избираемыхъ должно быть обращено самое тщательное вниманіе: ибо кто въ семъ отношеніи не оправдаль бы выбора, тотъ не только потерялъ бы многое самъ, но и нанесъ бы уронъ доброму мнѣнію о мѣстѣ, изъ котораго взятъ“ **).

Есть свидѣтельство, что студенты боялись инспектора Академіи, нежели самого митрополита: представляемъ фактъ, который преданіе относитъ ко времени инспектуры Евлампія. Наканунѣ публичнаго экзамена митрополитъ вечеромъ гулялъ по монастырской стѣнѣ. Когда онъ вышелъ изъ башни, находящейся противъ инспекторскаго корпуса, онъ встрѣтилъ студента въ нетрезвомъ состояніи, который твердилъ лекцію и митрополита не замѣтилъ. Митрополитъ остановилъ его и спросивъ его фамилію, строго сказалъ, какъ онъ смѣль оказаться нетрезвымъ и притомъ наканунѣ испытанія. Пораженный страхомъ студентъ отвѣчалъ, что изнемогши отъ цѣлодневнаго повтор-

*) Дѣл. акад. правл. 1826. № 7.

**) Письмо къ Иннокентію отъ 25 января 1828 г. въ прибавл. къ Твор. св. Отцевъ за 1871 г. томъ XXIV.

ренія лекцій къ экзамену онъ думалъ укрѣпить силы приемомъ небольшаго количества вина, но неожиданно ослабѣлъ въ силахъ; за тѣмъ упавши въ ноги митрополиту сказалъ: владыко святый! не говорите инспектору, что я вамъ попался въ такомъ видѣ. Митрополитъ улыбнулся и сказалъ: „поди, готовься къ экзамену; я тебя завтра спрошу“. Студентъ былъ спрошенъ, отвѣчалъ отлично и окончилъ курсъ магистромъ.

Инспекторскія донесенія о студентахъ Академіи митрополитъ Филаретъ пересматривалъ весьма внимательно и очень часто дѣлалъ на нихъ разнаго рода запросы и замѣчанія. Представляемъ примѣры. Инспекторъ Гедеонъ въ донесеніи за май 1837 года писалъ между прочимъ, что студентъ Александръ Петровъ лѣчится въ одной изъ московскихъ больницъ. Митрополитъ замѣтилъ на донесеніи: „не хорошо, естьли Академія не знаетъ, въ которой изъ московскихъ больницъ лѣчится Петровъ“ *). Въ сентябрѣ 1842 инспекторъ Агаѳангель доносилъ между прочимъ митрополиту, что, по слухамъ, невозвращенія въ Академію студента Гавріила Солицева послѣ вакаціи, академическое правленіе распорядилось о причинѣ его неявки потребовать свѣдѣній отъ начальства того мѣста, куда онъ былъ уволенъ на вакаціальное время. Митрополитъ написалъ на донесеніи: „что за скрытность? Начальству надоѣно знать мѣсто, куда уволенъ студентъ, и короче было назвать мѣсто, чѣмъ писать загадочно окличность“ **). Въ 1849 году инспекторъ доносилъ митрополиту, что студентъ Василий Цвѣтковъ, отпущенныи на пасху въ Москву, явился въ Академію 2-го мая и представилъ свидѣтельство доктора Франца Бѣлявскаго въ удостовѣреніе того, что онъ былъ

*) Журнал. акад. правл. 1837, 1-го іюня.

**) Журн. 1842 г. 9 сентября.

боленъ. Митрополитъ далъ резолюцію: „Цвѣтковъ, кажется, въ добромъ здоровьи и ходатайствовалъ по семейнымъ дѣламъ. Лучше сказать правду и оставаться не правымъ, нежели говорить и писать неправду, чтобы казаться правымъ“ *). Въ юньскомъ донесеніи за 1850 годъ тотъ же инспекторъ писалъ, что студентъ Николай А. по болѣзни находится въ домѣ родственника. На донесеніи рукою митрополита написано: „инспекторъ считаетъ А. больнымъ въ домѣ родственника, но А. сего дня явился ко мнѣ и говоритъ, что уже съ недѣли находится здѣсь. Видно, не поспѣшилъ онъ явиться къ своему начальству“ **). Съ довольною строгостю относился Филаретъ къ студентамъ, если послѣ отпусковъ они не скоро являлись въ Академію; такъ на донесеніи инспектора Платона Березина о студентахъ неявившихся по болѣзни къ сроку послѣ вакаціи 1821 года онъ написалъ: „28 августа. Просрочка велика. Почему знаютъ, что по болѣзни? О всѣхъ не явившихся къ 20 числу произвести изслѣдованіе и представить съ мнѣніемъ, а впредь при увольненіи обязывать подпиською, чтобы являлись къ 15 числу непремѣнно, подъ опасеніемъ наказанія и замѣчанія въ книгѣ поведенія“ ***). Въ 1866 году послѣ вакаціи къ назначенному сроку не явилось довольно много студентовъ. На инспекторскомъ донесеніи владыка написалъ: „надобно употреблять дѣятельныя мѣры, чтобы студенты съ точностію соблюдали законы академического времени“ ****).

Для наказанія провинившихся въ прежнія времена до 1860 года существовалъ въ академіи карцеръ, въ которомъ временно помѣщаемый студентъ долженъ былъ пи-

*.) Журн. 1849 г. 21 мая.

**) Журнал. 1850, іюля 17.

***) Член. въ москов. общ. истор. и древ. 1876 г. кн. 3, смѣсь, стр. 60.

****) Журнал. 1866, сентябрь.

таться хлѣбомъ и водою. Но къ этому наказанію академическое начальство приѣгало довольно рѣдко, а старалось дѣйствовать на неисправныхъ преимущественно мѣрами вразумленія и убѣжденія, имѣя въ виду нравственно-воспитательную цѣль. Великую силу такого нравственного вліянія глубоко сознавалъ и высоко цѣнилъ незабвенный ректоръ Академіи А. В. Горскій: еще въ первые годы своей службы онъ высказалъ инспектору Филарету свой взглядъ на этотъ предметъ въ такомъ видѣ: „недавній разговоръ, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ отъ 27 апрѣля 1834 года, съ нашимъ о. инспекторомъ Филаретомъ о трудностяхъ его инспекторской должности, его недоумѣнія, какъ лучше дѣйствовать на студентовъ, имѣли надъ мою душою довольно силы, чтобы въ свободный часъ заставить и меня посерѣзѣе обратить на этотъ предметъ вниманіе. При семъ случаѣ вотъ что пришло на мысль, или лучше (не назову этого пришлыми, бѣглыми идеями) вотъ какъ опредѣлилось мое понятіе о высокомъ званіи инспектора здѣшняго мѣста. Онъ долженъ имѣть въ виду не простой надзоръ за благопристойностью студентовъ, предупреждать, пресѣкать какіе либо виѣние беспорядки у нихъ, но проникая до самаго корня всѣхъ беспорядковъ стараться о преобразованіи вѣренныхъ ему людей нравственномъ, христіанскомъ. Къ сему должна непремѣнно побудить важность ихъ предназначенія и приготовленія. Они требуются прямо на высокое служеніе церкви; отъ нихъ зависить образование всѣхъ пастырей церкви. Общество наставниковъ духовныхъ такимъ образомъ выше становится по своему званію каждого въ своемъ кругу дѣйствующаго священника. И такъ смотря на такую цѣль образования здѣшнихъ молодыхъ людей, нельзя надзирателю (Inspector) ихъ,—тому, кому вѣрено смотрѣніе за самою существеннѣйшою стороною въ пастырѣ церкви—нравственно-духовною, огра-

ничиваться такимъ тѣснымъ кругомъ, въ какомъ они обыкновенно имѣютъ обращеніе“. Этотъ свѣтлый взглядъ на нравственно-воспитательный характеръ надзора за студентами удержалъ, съ большою силою развили и выражалъ на практикѣ А. В. Горскій въ поздніе годы своей жизни, когда сталъ во главѣ управлѣнія Академіею.

VI.

Средства образованія. Библіотека. Физический, минералогический и минцъ-кабинеты.

Новая московская Академія при самомъ началѣ своего существованія была вполнѣ обеспечена въ средствахъ образованія доставшимся ей богатымъ книжнымъ наслѣдствомъ сразу изъ двухъ мѣстъ: изъ троицкой лаврской Семинаріи и изъ московской славяно-греко-латинской Академіи; въ первой это богатство накоплялось въ продолженіе болѣе 70 лѣтъ, во второй—130 лѣтъ. Въ представлении академическаго правленія архіепископу Августину о поступлениі въ вѣдѣніе новой Академіи той и другой библіотеки отъ 30 сентября 1814 года, высказано такое мнѣніе правленія: „какъ московская духовная Академія нынѣ учреждена въ сергіевской лаврѣ, а Семинарія московская въ московскомъ перервинскомъ, спасо-виоанской при спасо-виоанскомъ монастыряхъ, на мѣсто бывшихъ въ оныхъ монастыряхъ Семинарій, при которыхъ свои библіотеки имѣлись: то библіотеки бывшую при лаврской Семинаріи оставить при Академіи, а принадлежавшія перервинской и спасо-виоанской Семинаріямъ оставить при учрежденныхъ нынѣ въ оныхъ мѣстахъ Семинаріяхъ; библіотеку, бывшую при московской славяно-греко-латинской Академіи раздѣлить на Академію и перервинскую Семинарію такимъ образомъ, чтобы 1) взять